

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:**

ДЕЛО
ВАРНАВИНСКОГО
МАНЬЯКА

ЗАВЕЩАНИЕ
МЯТЕЖНОГО
АВВАКУМА

РОКОВЫЕ
ЧИСЛА

ОХОТА НА ЦАРЯ

ХРОНИКИ СЫСКА

МОСКОВСКИЙ
АПОКАЛИПСИС

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

*Московский
апокалипсис*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении обложки использовано фото
из архива автора

Свечин, Николай.
С24 Московский апокалипсис / Николай Свечин. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с. —
(Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-04-224554-1

Москва 1812 года. Дворянин Петр Ахлестышев обвинен в убийстве, которого не совершал. Князю Шехонскому удастся подкупить полицию, чтобы устранить нежелательного конкурента и жениться на возлюбленной Ахлестышева — Ольге Барыковой. Потеряв не только титул, но и свою невесту, Петр ждет отправки по этапу. Но неожиданно в его жизнь вмешивается война. Ахлестышеву вместе с сокамерником удастся бежать. Волей судьбы в охваченной пожаром и грабежами Москве он встречает Ольгу, и в одну секунду все меняется для беглого каторжника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-224554-1

© Свечин Н., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

• 1 •

ПОБЕГ

2 сентября 1812 года¹ арестант Петр Ахлестышев проснулся рано. Свет в зарешеченном окне едва брезжил. Остальные узники еще спали. В камеру, рассчитанную на двенадцать человек, набили почти тридцать. Люди лежали под нарами, на полу в проходе и даже возле порога. Вчера прошел слух, что армия отступает и Наполеон вот-вот придет в Москву. Губернский тюремный замок — известная Бутырка — был переполнен. В него свозили арестантов из других городских тюрем, а также из западных губерний, захваченных уже неприятелем. Опытные колодники разнохали, что всех сидельцев Бутырки пешим ходом отправят не то в Рязань, не то в Нижний Новгород. Люди были возбуждены этими слухами; камера едва уснула под утро.

Ахлестышев тоже переживал. Неделя, как ему зачитали приговор и заковали в ножные кандалы. Столбовой дворянин, бывший геттингенский студент, небогатый помещик и сибарит — а теперь каторжник. Отвер-

¹ Все даты в книге даны по старому стилю. (Здесь и далее — прим. автора.)

женный, вышвырнутый из общества и помещенный к отбросам. Шпагу над головой в суматохе сломать еще не успели¹, не обрили голову и не наложили на лицо клейм — ну так сделают это в Нижнем. Неужели все? Так и помереть на этом зловонном дне? Или война вдруг перепишет судебные приговоры? Есть над чем подумать пропадающему человеку...

Арестант был молод — двадцати пяти лет от роду. Темноволосый, с короткой, начинающей отрастать бородой, он ничем не выделялся бы из толпы. Тонкое сложение при высоком росте выдавало бывшего барина. Глубокая складка между бровей указывала, что человек хлебнул лиха. Во всем остальном наружность Ахлестышева представлялась самой обыкновенной. Некогда холеное лицо выглядело сейчас вполне заурядно. Вот глаза были особенные — умные и сосредоточенные. Такие глаза встречаются у людей думающих и сильно чувствующих. И еще виделась в этих глазах потаенная, ставшая уже привычной тоска.

Неожиданно Петр поймал на себе чей-то взгляд. От порога на него смотрел вчерашний новенький. Под вечер в камеру привели двоих: его и неприятного надутого поляка. Рослый, русоволосый, с трехдневной щетиной на чистом лице, этот человек назвался в камере Василием Ивановым, клинским мещанином. Понимающие люди только хмыкнули. И манеры, и осанка выказывали в новичке бывшего офицера. Но если хочется его благо-

¹ Лишение дворянства сопровождалось гражданской казнью, при которой над головой осужденного ломалась шпага.

родию называться мещанином — пусть. Видать, причины на то имеет... Однако уголовным новенькие — материал для жестоких забав, и Василия Иванова тут же взяли в оборот. Степка Дырявый, вор из свиты Лешака, не прождал и минуты. Подошел к «мещанину», дернул его неавантажно за рукав и потребовал:

— Ну-кошь, покажи, что у тебя в карманах-то. И кафтан сымай, не по чину он тебе.

— Зачем это? — нахмурился новенький.

— А обычай таков. По всем тюрьмам эдак, и все подчиняются, никто не ропщет. Потому начнешь роптать — хуже станет.

— Какой еще обычай? Пошел к чертям, дрянь-человек!

— Обычай знатный, — усмехнулся Степка беззубым ртом (зубы выбили в драках). — Мы, фартовые, завсегда вас, чухлому, доить должны. Навроде как коров али коз. Так что зенками мне тута не крути, и шифтан¹ без разговоров скидавай, если бока твои тебе дороги. Говорю: обычай, по всем тюрьмам один. Попала собака в колесо: визжи, а бежи!

— По какому праву обычай? Ты сам его придумал, что ли?

— Э-эх... Талдычишь тебе, талдычишь, а не впрок. Последний раз разъясняю, потому вижу, что неученый. Слушай и запоминай. Мы — каторжная соль. А вы, которые сюда попали от сохи на время, у нас заместо прислуги. Захочу я тебя в порошок стереть — и не будет мне в

¹ Ш и ф т а н — кафтан, армяк (*жафг.*).

том препятствий. Так, брат, тюрьма устроена. Вот. Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу. Выворачивай карманы, покудова мое величество не осерчалю...

— Это я сейчас осерчаю, — ответил «мещанин», нимаю не тушуясь. — Отец мой не кланялся и мне не велел. Пошел отсель, песья лодыга, со своими обычаями!

— Ба, да мы гордые! — спрыгнул с нары военный дезертир Точиллов. — И видать, в карманах чего есть, раз отдавать не хочет. Подержи-ка его, Степка, а я обыщу.

Дырявый схватил упирающегося новичка за плечи, а Точиллов достал маленький арестантский нож — жулик. Однако «мещанин» оказался не из пугливых. Ударом сапога в причинное место он опрокинул дезертира на пол, а Степку, изловчившись, сильно хватил спиной об печь. Озадаченные отпором, уголовные побежали в соседнюю камеру за подмогой и вскоре вернулись уже вчетвером.

— Вот, ребята, энтот вельзевул добро не дает, — указал на смельчака Дырявый. — Тих, да лих! Надо его на куски порвать. Наука чтоб.

Положение новичка сделалось безвыходным. Он прижился к стене, выставил кулаки, но с четверыми как совладать? И Ахлестышев, которому понравилась храбрость незнакомца, скомандовал из своего угла:

— Отошли от человека!

Уголовные недовольно оглянулись: откуда там защитник выискался? Только-только веселье начинается...

— Слышь, барин, — оскалил гнилые зубы один из жиганов, — ты бы не лез в чужую похмель. Неровен час что случится.

— А он не барин, его лишили! — радостно пояснил То-чилов. — Теперя такой же каторжный, как и мы.

— Ну, значит, и спрос как со всех, — рассудительно пробурчал второй жиган. — Бери его в оборот, ребята!

Саша Батырь за спиной Ахлестышева приподнялся и тихо спросил:

— Пора?

Петр молча кивнул. Огромный детина спрыгнул с нары и подошел к уголовным. В камере сразу стало темно и тесно. Казалось, гигантская фигура Саши заполнила собой все свободное пространство. Драчуны тут же притихли... Батырь взял двух пришлых за грудки и просто выкинул наружу, словно котят. Потом ухватил зачинщиков, посмотрел на Ахлестышева:

— Петь, а с этими что делать? В парашку макнуть стервецов?

— Не надо, всю камеру завоняют. Поучи дураков, как на чужие карманы зариться. Только не калечь...

Получив по паре увесистых затрепчин, вор с дезертиром убежали от греха подальше в коридор. А новенький поклонился своим заступникам и каждому церемонно сказал:

— Благодарю!

— Старайтесь не отходить от нас далеко, — посоветовал ему Петр и отвернулся к стене. После суда он почти не разговаривал и уж точно не хотел ни с кем заводить знакомств.

Вечер завершился без происшествий. Фартовые, получив трепку, вернулись лишь перед отбоем. Напуганные, они не стали трогать и поляка. Тот держался особ-

няком, не представился соседям и вообще глядел волком. На ночь староста камеры велел ему располагаться возле парашы, а смелого «мещанина» положил к порогу. Согласно арестантским законам, вновь прибывшие получают самые плохие места. Потом, по мере выслуги превращаясь в старожилы, они станут передвигаться с пола на нару и от двери к окну. Лучшие места в камере — у окна возле печи, сейчас их как раз занимали Ахлестышев и Саша Батырь. Василий Иванов, или как его там, безропотно положил голову на порог и скоро уснул. Вот молодец, подумал Петр, и храбр, и нервы в полном порядке, а тут...

Поймав теперь взгляд новичка от двери, он вдруг сообразил, что тому холодно и неудобно, и махнул приглашающе рукой:

— Перебирайтесь сюда.

«Мещанин», осторожно перешагивая через лежащих, приблизился. Ахлестышев подвинулся, освобождая ему место на нарах.

— Садитесь. Следующей ночью спать будете здесь. Если не угонят... Саша, конечно, медведь, зато не холодно. Поместимся как-нибудь.

— Спасибо.

— Не обижайтесь на меня, что я давеча отвернулся. Настроение ни к черту. В каторгу идти без греха... Ну да ладно. Давайте знакомиться: Ахлестышев Петр Серафимович. Лишен прав состояния и приговорен к двадцати годам каторжных работ за убийство отставного бригадира Повалишина с супругой и слугами. Чего я, разумеется, не совершал... Здесь каждый скажет вам, что он не